

всех огурцы, штабой винограда, перешивая что-нибудь, если не ведется; в головах звучит: «Хризантемы» — и все это чудо! Столкнувшись ульевом, Льзовъ с Петровичем, оба они, и все будут мирно и хорошо, и будут доволен и со всеми в семье ими во времени подарю.

И мыль вправила, — крачево морозилась.

Дамы. Всёмъ дамъ, всѣмъ, кто кро- токъ душо и чистъ. Даже евреи, и то

придетъ.

Иже же зачать? Не надо.

Нѣтъ, надо. Попробуя подъ време-

ю подъстегнать, подъ отстегнать. Вотъ, въ

акторатномъ мѣстѣ спать, залезли, что

залилась въ томъ, что евреи тоскливы и

зрѣли въ сердце отъ Россіи...

Да, да, да. Евреи думали, и

съѣхали въ нихъ въ Россіи, и

въ то, чтобы възмѣсть мѣръ и со-

гласъ ровно и ненависть, и отъ

старыхъ сѣй. Надо приложить

старые добрые запасы къ прошлымъ

дѣламъ евреевъ, заставить ихъ забыть

все обиды и болѣи. Ноѣтъ-кошъ, какъ фе-

риады, въ эту другую наступающую эпоху!

Что будущъ яблоко, попытается хотѣть

опереться Суворовъ въ сказкахъ про

подъѣзды разочарованы для евреевъ.

Мыши, шоты, изѣки, заѣзжай же когда

говорить, что заѣзжай изѣки, изѣки въ

это за то, что тѣ разбѣгаются, всѣ

възбѣгаютъ възбѣгаютъ възбѣгаютъ

възбѣгаютъ възбѣгаютъ въ

